

„Бессмертные“ от мертвых идей

Академия Художественных Наук в плену у реакционеров

Требуем вмешательства пролетарской общественности

«Мы—погорельцы...»

«Мы—как погорельцы в лесу: строительного материала вокруг—изобилие, как строить—мы знаем; только вместе с прочим домашним скарбом погноби в огне и наши пилы, топоры, молотки, вместе с нашим домашним уютом (!) мы лишились и своих орудий труда. Революция (ах, вот он огонь, в котором все погноби!) вывернула из недр России такое количество материала, о совокупном наличии которого, кажется, никто не подозревал; теперь весь этот материал прямо перед нами и прямо под руками... но голыми руками из него построить научное здание нельзя...»

Не ошибетесь, читатель, эта цитата не из очередной устряловской статьи о судьбах революции. Нет, автор цитированных строк Густав Шпет рассуждает на тему значительно более узкую—об искусствоведении.

Искусствоведение—наука сравнительно молодая. Из брошюры Шпета «О постановке научной работы в области искусствоведения» вы можете узнать, что эта молодая наука у нас в России меньше связана с традицией, со старыми школами, чем на Западе, и потому условия для ее развития на новых путях, новыми методами, у нас значительно шире и просторнее. «Во всяком случае, как бы это ни объяснялось (?), именно наше время и у нас создала Академия Художественных Наук...»

Если речь идет о нас, т. е. о СССР, о нашем времени, т. е. о времени пролетарской революции, и новых методах, которыми может строиться наука,—наивный читатель может заключить, что под этим подразумеваются методы марксистские. В самом деле: наука молодая, она не связана у нас крепко со старыми (полагаем—буржуазно-идеалистическими) школами; старые методы—эти пилы, топоры и молотки науки—сгорели в огне революции; голыми же руками строить нельзя—нужно вооружиться новыми методами, повидавшим, принесенным уже революцией, следовательно, нужно строить новое, **МАРКСИСТСКОЕ искусствоведение.**

К таким выводам может прийти читатель. Увы,—не об этом, совсем не об этом идет речь у Шпета. В его брошюре ни разу даже не упоминается слово марксизм. Наоборот,—брошюра от первой до последней страницы пронизана старым («сгоревшим в огне революции...») философским идеализмом, из которого полными пригоршнями черпает Шпет и аргументацию и выводы.

Брошюра Шпета—не простое теоретическое рассуждение. Густав Шпет является вице-президентом Государственной Академии художественных наук (той самой, которая была создана, «как бы это ни объяснялось»), и в своей брошюре он декларирует задачи, методы и установку этого почетного учреждения, декларирует «постановку научной работы» в ГАХН.

Стоит только обратиться к действительно положенной вещи в ГАХН, чтобы убедиться, что декларация Шпета обрела и соответствующими людьми, соответствующими делами, а сама Академия превратилась в оплот реакционных **АНТИМАРКСИСТСКИХ, буржуазно-идеалистических групп и течений.**

Можно еще понять, как старая двухсотлетняя Академия Наук в известной своей части оказалась плененной группой маховых реакционеров. Но как прикажете уяснить себе тот факт, что новая, созданная революцией Академия художественных наук попала в плен к ярко-выраженным идеалистам и реакционерам?...

Парад «бессмертных»

Это смахивает на анекдот, но среди сотни «бессмертных» из ГАХН «самым передовым марксистом» считается акад. П. Н. Сакулин, который, как известно, никогда марксистом не был...

Не то, чтобы в Академии действительно не было марксистов,—нет. Во главе Академии стоит П. С. Коган, среди «бессмертных» вы встретите имена Л. И. Аксенова, И. Н. Кубикова, В. Ф. Перельмана, даже коммунистов В. П. Подольского и Р. А. Пельше.

Но эти имена теряются в густой массе имен другого сорта. Здесь вы можете познакомиться с А. И. Анисимовым, помещавшим работу о какой-то божьей матери в эмигрантском издании и в связи с этим исключенным из Ранкова, но не из Академии. Здесь вам смогут представить бывшего миллионера, антисемита и черносотенца А. А. Бахрушина, реакционера-антиобщественника Некрасова или оригинального акад. В. М. Беляева, лишенного избирательных прав, но не лишенного права на «бессмертие» в глуповском синклите. Здесь довольно плотное ядро составили идеалисты шпетовской записки: Габричевский, Жинкин, Лосев, Цирес, Недович, Родионов (состоящий впрямую сущностью Академии и за эту великую «научную заслугу» попавший в число действительных ее членов) и т. д. Среди научных сотрудников вы найдете сына обер-прокурора «святешего» сына Ю. А. Самарина; для полноты букета можно упомянуть аспиранта С. С. Скрябина, судившегося за отказ от службы в Красной армии (Скрябин—толстокоп)... Сколько их еще—таких же реакционеров, только без особых, бросающихся в глаза, примет?

В президиуме, руководящем всей работой Академии, всего 4 члена: президент Коган, больше представляющий собой у ГАХН, чем работающий внутри Академии; уже знакомый нам вице-президент Г. Шпет—фактический «хозяин» в Академии, философ-идеалист; ученый секретарь А. А. Сидоров—известный эстет-формалист; и члены президиума: Б. В. Шапошников—бывш. кадровый офицер, летчик превратившийся в академика без всяких научных трудов, и В. Э. Морич—полпред ГАХН за границей, устроитель всеяческих экспортивных выставок, весь научный багаж которого истерчивается вниманием нескольких иностранных языков.

Таково руководство Академии!

Они молчали...

Можно ли удивляться, что состав Академии влияет в определенном смысле и на весь характер ее работы. Между прочим, заслуживает особого внимания тот характерный факт, что ГАХН явился едва ли не единственным крупным научным учреждением, никак не реагировавшим на события в Академии Наук СССР.

ГАХН молчал. Это его не касалось. Вся научная общественность, взволнованная и возмущенная, выносила резолюции, в которых отмежевывалась от реакционной группы академиков и осуждала их попытку устроить политическую демонстрацию. Но ближайший родственник ленинградских академиков—«бессмертные» из ГАХН молчали. Это их не касалось? Нет, касалось. Но они молчали. Почему? Увы, здесь слишком широкое поле для догадок...

В лучшем случае здесь можно говорить о полном отрыве от общественности. «Связь» ГАХН с общественностью никогда не шла дальше торжественных заседаний и парадных выставок. Встречались на парадах, раскланивались на улице,—вот и все. ГАХН замыкался в свою «научную» группу, вполне справедливо опасаясь слишком «длинного сопредседательства с общественностью. Ибо

от научной работы ГАХН общественность могла бы ожидать совершенно иных результатов...

Знакомьтесь

с великими писателями

Сводка научной работы академии дается в специальных «Бюллетенях». Прочтите внимательно все 11 выпусков «Бюллетеня» (издается в количестве 400 экземпляров!), и выхри недоумений вскружит вам голову.

Разрешите маленькую выписку из «Бюллетеня» № 6.

«Основной работой кабинета революционной литературы являлось составление «Био-библиографического словаря русских писателей революционной эпохи 1900—1925 гг.»

В плане выполнения этой работы кабинет за истекший период имел 14 заседаний, на которых... заслушивались и обсуждались составленные библиографические статьи. Были обсуждены и утверждены библиографии следующих писателей: Н. А. Котляревского, М. Волкова (?), А. С. Архангельского (?), И. М. Машин-Верова, В. Савцова, Н. Абрамовича, С. Спрядного (?), С. Дроздина, Ф. Жили, Виткина, Ефёрова (?), Голлербаха, Мельведа (?), Благого (?), Ф. А. Петровского, Р. С. Мандельштам, Л. Рейснер, И. Рудавишников, Адамовича, Арго, Заматина, Кюверта (?), Ф. М. Достоевского (?), Ойского, Л. Авербаха, В. Брюсова, А. Блока (последние два в виде больших приниципальных докладов)...

Итак, радуясь читатель: кабинет революционной литературы ГАХН подарила тебе биографии таких величайших писателей, как Арго, Спрядного, Архангельский, Благого, Кюверт и т. д. Поистине, какое научное достижение, какая глубокая плодотворность бессмертных!

А вы говорите: бумажный кризис!

После этого не приходится уже сомневаться тем, что доклад о творчестве Леонардо-да-Винчи был проработан не в каком-либо месте, как только в комиссии по изучению творчества душевнобольных, не приходится сомневаться и другим подобным анекдотам.

Особое внимание обращает на себя работа терминологического кабинета, грозившего надеть «Терминологическую Энциклопедию» по искусству, густо начиненную тухлым идеализмом.

Впрочем, можно утешиться тем, что издания ГАХН обычно остаются нераспроданными и, в конце концов, попадают на обертки. А ведь это характерно: труды, удостоившиеся надписи:

«Печатаются по постановлению Ученого Совета ГАХН»...

Эти труды не находят читателя. Вот, например, книга Шпета «Введение в этическую психологию»: издано 2.000 экземпляров,—остались нераспроданными 1.227 экземпляров. Книга Недовича о «задачах искусства» застряла в горле издательства (из 2.000 осталось 1.324). Сборник о Степане Кузнецове: из 2.000 осталось 1.415 экземпляров; «Искусство портрета»—из 2.000 осталось 1.700 экземпляров. Книга Гуревича «Творчество искусства»—из 3.000 нераспродано 2.000. Даже такая холодная тема, как «Пути самостоятельного театра», в обработке Филиппова, нашла покупателя только на треть тиража (из 2.000 осталось на складе 1.285!). Книга Шапошниковой «Эстетика числа и циркуля» осталась нераспроданной почти целиком.

Эта книжная свалка далеко не лишняя: она говорит о том, что даже важные и нужные темы в обработке бессмертных из ГАХН приобретают такой вид, что читателем проглочены быть не могут. А ведь изданные труды, это—лучшие, показанные образцы творчества «бессмертных»!

«Бунт левых»

В ГАХН существуют три основных разряда: социологический, физико-психологический и философский. По работе и фактическим возможностям работы философский разряд забывает все остальные благодаря философскому пристрастию Т. Шпета. Социологический разряд существует как прикрытые, как фигурный листочек на явном-идеалистическом теле остальных двух разрядов. Но этот социологический разряд имеет

*) Научная работа ГАХН недавно подверглась сокрушительной критике со стороны коммунистической Академии (доклад И. Маца).

минимальные возможности для работы: в этом секрет распределения средств внутри Академии.

В научной практике Академии термин «марксизм» не находит употребления. Марксизм внесен за одну ошибку с другими социологическими методами. Но и те жалкие крупицы марксизма, которые время от времени доходят до Академии,—и они даже похаживают часто посторонним духом.

По уставу казды-академик должен сделать не менее 1 доклада в год. Однако ряд академиков едва ли сделал по одному докладу за все время существования ГАХН. Основную работу ведут не «бессмертные», но посторонние Академии лица и молодежь, эти «чернобровые от науки».

Среди молодежи острее и явственнее ощущается и та борьба, которая ведется за новую науку, за новые научные методы,—борьба между идеалистами и материалистами, в частности марксистами.

Недавно в ГАХН произошел бунт молодежи. Небольшая горсточка аспирантов ГАХН вызвала от той обстановки, в которой ей приходится работать. Обединение аспирантов, существующее при ГАХН, раскололось. Вот формулировка разногласий, вызвавших раскол, как она была освещена в стенгазете ГАХН.

«Не имея крепкой живой связи с советской общественностью и применяя в научной области старые, пережитые себя, методы и формы работы, чуждые новому социальному дню, объединение аспирантов ГАХН с неизбежностью вступает в полосу своеобразного кризиса, частично разрешающегося уходом из него социально-экономического ядра аспирантуры. Ряд внутренних коллизий и эспериментальных приниципальных разногласий, сказавшихся в единичных конфликтах верхушки объединения с левым его крылом, отсюда не носит случайного характера и не может быть отнесен за счет «личных» особенностей и «неуживчивости» левых. Все эти явления, создавая непримлемую атмосферу работы в объединении, носят вполне закономерный характер и являются в значительной мере косности, антиобщественности и нежизнеспособности объединения.

«Левое крыло» уходит потому, что не считает возможным перед лицом советской общественности принять на себя ответственность за характер и направление работы объединения, отключаясь, левое крыло оставляет за собой право организации аспирантов, имеющих более или менее четкую идеологическую и методологическую установку и тяготеющих в своих исследовательских изысканиях к подлинно-научному методу—методу Маркса. Стремясь к объединению аспирантов на принципиально иных основаниях, левое крыло рассматривает новую борьбу со старым объединением как борьбу двух научных систем, двух классовых идеологий».

И. КОТОВА.

Эту четко и ясно сформулированную точку зрения «левого крыла» правое

большинство пыталось сбить демагогическими заявлениями:

— Вы не имеете патента на марксизм! Мы сами с усами, мы сами—тоже марксисты!

Этих «тоже марксистов» — большинство. Их поставляют в ГАХН действительные члены Академии, руководители секций, лабораторий, кабинетов. Но большинство академиков — идеалисты, и вот растет научная смена—яблоко, от яблони недалекого падающее. Для зачисления в аспиранты требуется рекомендация 3 академиков. Нетрудно догадаться, как легко пройти марксизму в ГАХН! И недаром, ведь автор вышеприведенного заявления Е. Котова попала в аспиранты ГАХН против воли академиков, по настоянию ГУС...

Троянский конь

В одном из докладов, заслушанных в Академии, указывалось, что «научность и ненаучность не есть понятия абсолютные, а всегда связанные с условиями данной исторической эпохи и социальной формы общества...» Пора это утверждение обратиться на самое Академию Художественных Наук. Та наука, которую разрабатывает и культивирует ГАХН—не наука или очень плохая наука «в условиях данной исторической эпохи и формы общества».

На фронте науки идет активная классовая борьба. Целый ряд научных конференций показал это на множестве фактов. Враждебные нам классовые силы ищут оформления своей идеологии, и некоторая часть ученых выполняет эту задачу, этот «социальный заказ». Академия Художественных Наук непосредственно примыкает к этой враждебной работе.

«Бунт левых» аспирантов должен стать сигналом для пересмотра всей деятельности Академии.

Оплот философского идеализма, еле прикрытый фигурным листком «социологических» работ, должен быть вытравлен марксистами. Состав Академии должен подвергнуться пересмотру, в него должны быть влиты коммунистические силы, среди которых есть имена более крупного научного масштаба, чем многие из нынешних «бессмертных» ГАХН!

Не для того революция создавала ГАХН, чтобы она превратилась в троянского коня, из этого деревянного бреха которого на нас наступают классовые враги, носители враждебных классовых идеологий.

Мертвые идеи не могут рождать «бессмертных»!

И. БАЧЕЛИС.

Еще одна Академия

Искусствоведение до революции находилось в руках преимущественно привилегированных слоев буржуазно-дворянского общества. В самые тяжелые годы революции эти люди постарались укрыться под множеством завес, создаваемых Наркомпросом из обломков старых искусствоведческих учреждений. Одной из таких завес явилась созданная в годы гражданской войны Государственная Академия Художественных Наук. Давным-давно установившиеся традиции этого учреждения остались нетронутыми до сего времени. Президиум, ученый совет, действительные члены и научные сотрудники Академии избирались исключительно на основе взаимоподдержки; Наркомпрос, в ведении которого находилась Академия, до сих пор ни разу серьезно не проверил ни деятельности, ни структуры, ни социального состава ее, выслушивая, в лучшем случае, лишь общие доклады, не дающие возможности судить о действительном положении вещей. А между тем настоящее обследование крайне необходимо, потому что для политического контроля там всегда нашлась бы достойная почва. Достаточно сказать, что за всю революцию в ГАХН при составе 150—200 человек не только не было партийной ячейки, но фактически не работал ни один член партии. Только в последние годы Наркомпрос прикомандировал туда для постоянной работы... одного члена партии.

Об общественной работе среди сотрудников не может быть и речи; имеющиеся общественные организации впадают жалкое существование.

Есть члены Академии, которые за год посещают ее менее 10 и даже 5 раз, не

представили ни одного доклада и все же остаются «бессмертными» членами, получая 100 рублей ежемесячно жалованья.

Вся советская и научная мысль являлась сейчас вопросам необходимости реорганизации Академии Наук, высказывает протесты против забаллотирования трех коммунистов, а Академия Художественных Наук никак не реагировала на это; очевидно, боясь показать свое настоящее лицо.

7 декабря состоялся «очередной» доклад Академии в Главискусстве. В резолюции констатируется «недостаточная увязка производственных планов и работ с основными заданиями социального строительства, с производственными учреждениями, с общественными организациями, недостаточное применение материалистического научного метода в работах учреждения».

Резолюция считает необходимым отметить, что основной задачей ГАХН в ближайшие годы должна являться работа по созданию системы искусствоведения, построенной на основе последовательного материалистического миропонимания...

Такая «вегетарианская» резолюция конечно, совершенно недостаточна, но и ее в Академии не горюются проводить в жизнь. Да и как теперешний состав Академии сможет выполнить эту задачу?

В связи с событиями в Академии Наук поднят вопрос о пересмотре ее устава. Не следовало ли бы кстати, пересмотреть положение и устав Академии Художественных Наук?

ШМЫГОВ И ВАЛУЦКИЙ.

УЕЗДНОЕ

ОТ НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Чембарцы правдываются

Что делали чембарцы в городе? — Чембар—станция Башмаково.—Селам нужен был ремонт школ. — «Не мешай нам работать своей законностью». — «Лукич, дай сапоги Ломакину». — Люльку брали, ребенка вытаскивали. — Темно, как в безлунную ночь. — Где Маханов, где Глухов?

Ударил волна, взвилась метель, прозвучали гневные голоса общественности, организаций, местной газеты,—и чембарские властители, чембарские самодуры, разгратиши, пошехонцы были сметены с дозорных постов, с вышек власти, изгнаны из полукрестьянского города,—того самого города, где нет промышленности, где много крестьян, где еще больше обывателей, и где смывча, союз, стыл советского города с советской деревней ощущается как бы руками.

Что делали чембарцы в городе?

О чембарском Автордоре наши читатели знают. Не следует рассказывать подробно, как это добровольное общество превратилось для населения в проклятие.

Дорога Чембар — станция Башмаково! Укатанный путь! Мечта Тамбовцева, Давыдова, Маханова! Нет, нет, нет, не по укатанному пути пошла жизнь в ржаном земляном нашем районе.

Ямы, ухабы, недоумение, лихорадка, недолюбовство населения, протесты и какой-то жар, какой-то бред, помрачающий ум местных работников,—все закружилось в районе в вихревой пляске. Дорога...

Селам нужен был ремонт школ. Поим хотел строить родилку, в селе Ольшанке надо было сделать заправку. Селу Ольшанке не нужно шоссе, село Ольшанка—в 30 километрах от места—предполагавшей шоссеиной дороги. Так пусть Ольшанка внесет 700 рублей на дорогу! На заправку, на ремонт школы Ольшанка может достать иные средства! Ольшанка может продать общественные земельные угодья, если это ей нравится и если это ей не нравится!

Бред, болеснь, административная чума охватила Тамбовцева, Давыдова, Маханова. Гик запрещает, гик предостерегает от опрометчивых действий, а Давыдову нужно собрать на дорогу как можно больше, как можно быстрее, как можно решительнее.

Села не слышали об Автордоре, они до сих пор о нем ничего не знали. Узнали. Летят письма, депешы, телефонограммы,

грозные приказы Давыдова и компании. «Усилить сбор ордеств». «Не ослаблять темпа».

Маханов, руководитель чембарской партийной организации, грозит уголовно-попытным парализованием, если средства на дорогу не будут собраны «на все сто процентов».

Второй помощник прокурора по Чембару Московкин протестует, Маханов отвечает:

— Не мешай нам работать своей законностью.

Давыдов требует от уполномоченных производить аресты лиц, не вносящих своевременно денег на постройку дороги.

Население самообладалось, имея в виду другие нужды. «Перечисляйте в Автордор, а там будем прорабатывать вопрос на собраниях» — директива Маханова. Деньги перечисляются. Приказы Чембары отправлялись в села со специальными нарочными: «Выполнять безоговорочно». Не вносим денег приказывалось сносить имущество в сени совета...

Так в Поиме. Тут на эту работу были мобилизованы сельсоветскому, учителя, школьники. Школьники освобождались от занятий на 2 часа раньше положенного... На Поим бурей, пылаком надлетели Зуев и Иванчин—уполномоченные из Чембара. За тезисное денег тащили в склады комоды, стулья, постели, самовары. Ропот, вздох, отчаяние людей и плач ребенка: детскую люльку тащат,—как говорят в деревне,—опускали у крестьянина.

А учет описанного имущества? А опись? Нужно это? Не нужно.

Разве тогда Зуев и Иванчин сумели бы в Поиме послать такие приказы-записки Михаилу Лубичу Климову, временному хранителю имущества:

— Лукич, мне пошлите комод, два стула, письменный стол, этажерку.

— Лукич, дай сапоги Ломакину.

И записка,—с вежливым, почти европейски-дипломатическим тоном:

Климов, дайте такому-то отобрать необходимые вещи.

Тамбовцев, секретарь чембарского исполкома, получил для себя письменный стол. Иванчин, Зуев-комсомолец, Сажнев,—эти чембарские уполномоченные,—взяли для себя столы, зеркала, гитары, сапоги, этажерки, диваны. И полотенца для своих жен! И дамские подбютилки для своих жен! Стынут, читатель, чернила на перышке, возмущается сама бумага, читатель.

А автордору, а Маханову, Давыдову, Иванчину, Зуеву, Тамбовцеву? Они—ничего. Вот они! Сидят в зале пензенского суда, улыбаются.

«Проводили,—говорит суду Иванчин,—проводили классовую политику». В Поиме—кулаки. Иванчин как бы хочет уверить, что отныне люльки, полотенца, дамские подбютилки и есть страшный знак кулацкой опасности. Ведь эти сумасшедшие проходимцы, самодуры брали люльку, очевидно, когда нечего было больше брать.

— Люльку брали, ребенка вытаскивали!

Молчание в судебном зале.

Было молчание и тогда, там, в Чембаре, когда шумели эти позорные дни, было молчание со стороны тех, кто должен был проклясть на весь округ о преступлении, о чуме, налетевшей на население по приказу Давыдова, Тамбовцева, Маханова. Прокурор! Где был прокурор?

Второй помощник прокурора тов. Московкин возмущался, он говорил о беззакониях, он требовал от власти, от властей, чтобы они взглянули на свои дела глазами людей, не потерявших остатков ума, чувства ответственности. Тшшш! Кроме Московкина, жил Глухов в Чембаре. Это прокурор—старший Глухов ответил на выступления Московкина:

— Товарищ Московкин лишь второй помощник прокурора района. Выступления Московкина безответственны.

Так заявил на ответственном заседании.